

Георгий Владимов

ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ

Серия «Самое время!»

«Генерал и его армия» голосованием всех председателей жюри премии «Русский Букер» назван лучшим русским романом последнего десятилетия XX века. Наряду с главным вымышленным героем, советским генералом Кобрисовым, в романе действуют многие исторические персонажи, среди которых Сталин, Жуков, Хрущев, Ватутин... Особое внимание писателя привлекают фигуры немецкого генерала Гудериана и русского генерала-изменника Власова. Столкновение воли и характеров, пересечение военных судеб трех генералов придают роману особую глубину и достоверность.

«Очень значительная книга. От первых же страниц удовлетворение: настоящая литература... За необъятную тему советско-германской войны Владимов взялся не только как художник, но и как самый ответственный историк» (Александр Солженицын).

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
«РУССКИЙ БУКЕР ДЕСЯТИЛЕТИЯ»

Георгий

Владимов

*Генерал
и его армия*

роман

Марина Владимова

МОЙ ОТЕЦ — ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ

Меня попросили написать об отце. К сожалению, мы были вместе очень мало — всего каких-то десять лет. Все годы меня не покидало чувство, что надо записывать все, о чем рассказывал отец, что это слишком значимо: память человеческая — штука ненадежная. Не записала. Теперь пишу по памяти, жалкие кусочки того, что запечатлелось, — но спасибо, что остались хоть они.

Как и когда мы с ним познакомились? Звучит, конечно, невероятно, но соответствует действительности — мы узнали друг друга только в 1995 году, на вручении отцу литературной премии «Русский Букер», когда мне было уже тридцать три года. А до этого были только письма. Письма в Германию из Москвы и обратно.

Как отец оказался в Германии?

В 1983 году по приглашению Генриха Бёлля отец уехал читать лекции в Кёльн. К тому времени уже лет десять в России у него ничего не издавалось. Ранее он стал председателем «Международной амнистии», писал письма в защиту Андрея Синявского и Юрия Даниэля, дружил с Андреем Сахаровым, Еленой Боннэр, Василием Аксеновым, Владимиром Войновичем, Беллой Ахмадуллиной, Фазилем Искандером, Булатом Окуджавой, Виктором Некрасовым, был знаком с Александром Солженицыным, Александром Галичем, Владимиром Максимовым, Сергеем Довлатовым, Юрием Казаковым, Юрием Любимовым, Владимиром Высоцким и многими другими. Постепенно он стал жить «поперек», а таких вещей советская власть спокойно выдержать, а уж тем более простить — не могла.

Потихоньку его выживали, травили: исключили из Союза писателей, куда он был принят еще в 1961 году; затем стали публиковать клеветнические статьи в «Литературной газете» (главный рупор СП тех лет), которые радостно приветствовали некоторые «писателя» (так их называл отец). А потом устроили слежку за его квартирой и гостями, ее посещавшими. Об этом отец пишет подробно в своем рассказе «Не обращайтесь вниманья, маэстро!».

Как могли ему простить глубочайшую внутреннюю независимость и самодостаточность? Как-то после своего возвращения в Россию он сказал мне: «Ты знаешь, не пойду я на это сборище, терпеть не могу любые тусовки, зачем тратить на это время? Писатель должен писать, а не болтать и тусоваться. Я всегда считал, что не нужно входить ни

в какие партии и объединения, все это ерунда, — поэтому я всегда был беспартийным и свободным».

Так отец ответил на мой упрек — я упрекала его в том, что он не идет на какой-то очередной литературный вечер, где собиралась литературная элита тех лет и куда его пригласили заранее для вручения статуэтки Дон Кихота — «символа чести и достоинства в литературе».

Я же, испорченное дитя советской действительности, полагала, что там могут встретиться «полезные люди», которые помогут ему получить от государства хотя бы маленькую квартиру. Ведь получил же Владимир Войнович прекрасную четырехкомнатную квартиру в Безбожном переулке по указу Михаила Горбачева!

Как могли ему простить, к примеру, дружбу с опальным Сахаровым, когда от того знакомые отшатывались, как от чумного? Отец старался хоть чем-то помочь в те времена Андрею Дмитриевичу, иногда выступая даже в качестве его водителя. Вспоминается забавный (это он сейчас забавный!) случай, рассказанный отцом: во время поездки (кажется, в Загорск) внезапно оторвалась дверца любимого старенького отцовского «запорожца». Причем на полном ходу... Все замерли. А Сахаров всю оставшуюся дорогу невозмутимо держал злополучную дверцу, продолжая разговор на какую-то интересную для него тему.

С этим «запорожцем» была связана еще одна, более опасная история. Однажды во время загородной поездки мотор у машины вообще заглох, а когда отец заглянул в ее нутро, то обнаружил, что в бак для топлива засыпан почти килограмм сахарного песка, отчего машина и отказывалась ехать. Отец был уверен, что это не случайность, это сделано заинтересованными сотрудниками «бугра», как называли тогда вездесущую организацию, отвечающую за государственную безопасность СССР, но, конечно, прямых доказательств у него не было. С огромным трудом ему удалось очистить бак от этой гадости...

В 1981 году после допросов на Лубянке у отца случился первый инфаркт, потом новые допросы и намек на то, что допросы возобновятся. Все могло кончиться посадкой (лексикон тогдашних диссидентов). В это время отец уже начал писать «Генерала и его армию». Надо было спасти свое дело, свою жизнь. Спасибо Бёллиу!

Но, уезжая из страны, отец не думал, что уезжает надолго, максимум на год. Через два месяца после приезда в Германию

отец и Наташа Кузнецова (его вторая жена) по телевизору услышали указ Андропова о лишении его гражданства. Кооперативную квартиру Наташиной мамы они продали перед отъездом в Германию, а квартиру отца правление кооператива продало само, не спрашивая на то его разрешения.

Через друзей в издательстве «Текст», в котором выходила повесть отца «Верный Руслан», я узнала его немецкий адрес. Написала ему. Написала, что мне от него ничего не нужно — я уже вполне состоявшийся человек, врач, учусь в аспирантуре, есть квартира, друзья, но как это странно — на такой маленькой планете Земля живут два родных человека и ничего не знают друг о друге. Отец ответил, мы начали переписываться. В 1995 году он приехал в Москву на вручение Букера за роман «Генерал и его армия». Номинировал его журнал «Знамя», где печатались главы романа. Отец был очень благодарен сотрудникам «Знамени» за то, что именно они первыми способствовали возвращению его творчества на Родину. Он хотел, чтобы и последний его роман «Долог путь до Типперэри» был напечатан у них, журнал несколько раз давал анонс этому произведению. Увы! Только первая часть романа была напечатана, уже после смерти отца. Другие остались в замыслах; кое-что он рассказал мне.

Отец позвал на вручение премии и меня. Перед этим я побывала у него в гостях — в квартире Юза Алешковского, который пригласил отца пожить у него на все время его пребывания в Москве.

Своей квартиры у отца больше не было. Он остался бездомным. В 1991 году Горбачев своим указом вернул ему гражданство, но не жилье... Правда, в 2000 году Международный литературный фонд писателей предоставил отцу в аренду дачу в Переделкине. Отец очень любил эту не совсем свою дачу, но Господь мало позволил ему наслаждаться покоем и счастьем на Родине.

До этого дача много лет простояла пустая, потихоньку осыпаясь и рушась, в ней постоянно что-то где-то подтекало; отец смеялся и говорил, что живет в «Петергофе с большим количеством фонтанов». Это был двухэтажный кирпичный дом, больше смахивающий на барак, с четырьмя подъездами. Рядом с подъездом отца были подъезды, где жили Георгий Поженян, дочь Виктора Шкловского с мужем, поэтом Панченко. Третьего соседа я не помню.

История дачи была романтической и печальной одновременно. Оказалось, что этот писательский дом построен на месте дачи актрисы Валентины Серовой. Ее дача была окружена небольшим садиком, сохранился маленький прудик, в котором, по преданию, она любила плавать. Отец говорил, что представляет себе, как Серова перед спектаклями купается в пруду и что-то тихо напевает. Тогда он и рассказал мне историю романа Серовой и маршала Рокоссовского, во время которого Сталина якобы спросили, как относиться к самому факту этой связи (оба были женаты). Сталин ответил коротко и исчерпывающе: «Завидовать!».

После развода Серовой и Симонова дача пришла в запустенье, Литфонд снес старый дом, построив дачу для писателей.

Во времена отца сад невероятно разросся, в него выходила дверь кухни с террасой. Стояли высокие темные деревья, трава заполонила все пространство. Пруд был затянут густой зеленой тиной, было мрачно, летали страшно прожорливые комары. Отец все пытался как-то справиться с запустением: убрал сгнившие ветки, сломанные деревья, подстриг кусты, скошил кое-где траву, в окна его кабинета стало заглядывать солнце.

Напротив своих окон он расчистил кусочек земли, на котором попытался разбить огород — посадил укроп, редиску и салат. В свой последний год в России, уже слабый и смертельно больной, отец с гордостью показывал мне пробивающиеся ростки, предвкушая урожай. Увы! Он уехал в Германию, так и не дождавшись его... Но немного радости ему садик подарил — в последний год отец не мог, да и не хотел писать. Ему нравилось возиться с землей да потихоньку разбирать какую-то деревянную «халабуду» (слово отца) позади дома, на месте которой он мечтал построить гараж с ямой.

За воротами, на входе сохранилась двухэтажная кирпичная сторожка, где, видимо, в свое время сидела охрана, решающая, кого можно допустить пред светлые очи Серовой и Симонова. Вокруг всей дачи шла крепостная стена, а прямо напротив подъезда отца в ней открывалась чудесная таинственная дверь, окруженная высокими деревьями и душистыми травами. Пели соловьи, иногда вторя колокольному звону — через дорогу находилась дача Патриарха со старенькой переделкинской церковью.

В первый год, получив пустую дачу, где не было ничего, кроме стен и старой, сгнившей кухонной мебели, отец с

энтузиазмом взялся ее обустроить. В свой кабинет купил большой письменный стол с удобным креслом (а что еще нужно писателю!), диванчик, пятирожковую люстру (в доме было темновато). В две другие комнаты поставил два дивана для гостей и шкаф-купе, который он сам собрал. Отец очень любил все делать своими руками, получая от этого, похоже, не меньше удовольствия, чем от писательского труда.

Я подарила ему «вольтеровское» кресло — оно обосновалось в коридоре на первом этаже, отец любил сидеть в нем, разговаривая по телефону.

На кухне отец установил стенку, холодильник, повесил низкую плетеную люстру, поставил стол с длинными деревянными скамейками, на которых мало кто успел посидеть — отец прожил на даче всего четыре сезона...

На террасе, куда выходила дверь кухни, отец поставил маленький мангал, и несколько раз жарил на нем шашлык, попивая водочку с соседом-приятелем, чудесным поэтом Григорием Поженяном. Именно благодаря Поженяну отец и получил дачу — однажды он приехал к нему в гости в Переделкино и был очарован красотой, тишиной и покоем этого места. Обратился за помощью в Международный литфонд, ему не отказали; большую роль в этом сыграл Поженян, замолвивший словечко.

Мы встречали Новый 2000-й год вместе с Поженяном и его женой, в большой компании. Чудесный был Новый год! Поженян читал свои стихи, много рассказывал о себе — рассказчик он был не менее талантливый, чем поэт. Моя память сохранила только некоторые фрагменты. Например, его рассказ об освобождении Одессы, где он воевал (написав потом сценарий замечательного фильма «Жажда»), а потом — как обнаружил памятник погибшим освободителям города и нашел там свою фамилию (его по ошибке тоже сочли погибшим). Или рассказ о том, как за «пьянку и аморальное поведение» в студенческие времена его с позором выгнали из Литературного института, грозно сказав: «Чтобы ноги вашей не было в стенах нашего заведения!» После чего он вошел в институт на руках, не нарушив формально предписания!

Поженян рассказал, что Юрий Олеша ласково называл его в письмах «мой дорогой бочонок поэзии». Он такой и был — маленький, толстенький, шумный, очень уютный, гостеприимный, буквально фонтанирующий стихами и идеями.

Отец был другой — очень немногословный, он предпочитал слушать, рассматривать собеседников, иногда слегка улыбаясь, постоянно раздумывая о чем-то; в нем все время шла какая-то неслышная, но очень важная внутренняя работа...

Бедный отец — он мечтал купить для большой комнаты, столовой (в ней, единственной в доме, стены были обшиты вагонкой), белый овальный стол с двенадцатью белыми стульями. Мечтал устроить в ней настоящий камин, чтобы можно было любоваться игрой огня. Возле дверей поставить рыцаря в полный рост, в доспехах, с забралом и шпагой (такого он видел в доме у Поженяна). Не успел это осуществить. В пустой комнате хранились инструменты, которые отец радостно приобретал везде, где мог. С какой любовью он разглядывал по вечерам деревообрабатывающий станок, электролобзик, электродрель!..

На мой вопрос, кого он будет принимать в «белой столовой», с гордостью и одновременно с иронией говорил: «Как кого? Послов, глав делегаций, многочисленных поклонников моего таланта, журналистов, жаждущих взять интервью по поводу моего очередного романа».

Видел бы отец, на что стал нынче похож писательский городок и территория патриаршей дачи около его Зеленого Тупика (последний адрес моего отца в России)... Возле скромной церквушки (ее колокольный звон мы слушали по вечерам с балкона дачи) выросла стена с изразцами не хуже кремлевской. Сама же территория вокруг церкви облагородилась детской площадкой, туалетом для паломников, ларьком для продажи церковной утвари. Неподалеку выстроили пятиглавый храм в честь князя Игоря Черниговского и поставили два памятника святым. Красивый храм, величественный и огромный. Но какой-то он пока холодный, высокомерный, в него не тянет заходить, как в старую переделкинскую церковь, где отца отпевали в 2003 году. Сейчас дорога к патриаршей даче вылизывается тщательнейшим образом, асфальт выглядит так, как будто его каждый день моют шампунем. При жизни отца возле церквушки зачастую околачивались местные пьянчужки, асфальт был весь в рытвинах, вокруг была тишина, стрекотали кузнечики в зарослях полыни и иван-чая.

Мы любили ходить за водой (когда не работал водопровод) к святым источникам недалеко от нашего Зеленого Тупика, рядом с кардиологическим санаторием для

ветеранов войны... Воздух был чистейший, хоть ложкой его ешь, а ведь от Москвы Переделкино отделяло всего двадцать минут на электричке.

Лишь одно осталось практически неизменным — старое «писательское» кладбище в Переделкине, где по-прежнему после четырех вечера пусто, даже страшновато — персонала никакого нет. Разрушаются старые плиты на могилах, прорастая мхом и сорняками, колышутся высокие деревья над могилами известных писателей: Пастернака, Тихонова, Чуковского, у забора — заросли репейника, крапивы и огромные, в человеческий рост, лопухи...

На переделкинском кладбище отец и нашел свое успокоение, о чем просил в завещании, — он окончательно вернулся на Родину. А жена его Наталья Кузнецова и ее мама навсегда остались в Германии... Недалеко от отца могила Григория Поженяна — они стали соседями и по кладбищу, в этом есть что-то символическое.

Вернемся к нашему второму знакомству на «Букере». Первое, понятно, состоялось в момент моего появления на свет. Но отец с мамой развелись, когда мне было четыре года, а потом мама снова вышла замуж, отчим меня удочерил, и я носила его фамилию.

Собственно, именно на вручении Букера мы и познакомились по-настоящему. Сидя за праздничным столом, выпили на брудершафт (до этого три года в письмах были на вы) и отец расположил меня к себе, рассказав, как познакомился с мамой: «С обеими своими женами я познакомился в буфете ЦДЛ».

Ох, уж этот знаменитый буфет ЦДЛ, на стенах которого были всевозможные подписи писателей, дружеские и не очень рисунки-шаржи всех тех, кто когда-либо посещал его — от Михаила Светлова и Погодина до Сергея Михалкова, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной. Отцова подпись тоже красовалась там до его отъезда в эмиграцию и «назначения» его диссидентом.

Отец рассказывал, что мама была красавицей, упомянул о том, что до сих пор помнит, в какое платье она была тогда одета... С гордостью подчеркнул, что обе его жены были красавицами. Мне кажется, что для него это было в какой-то мере самоутверждением — из-за большого, почти во всю щеку родимого пятна он считал себя некрасивым. Правда, когда я его увидела, пятна уже не было, с этим великолепно справились немецкие врачи.

Потом отец попросил проводить его на мамину могилу. Перед отъездом подарил мне «Генерала и его армию» — книгу, изданную «Книжной палатой» (первое книжное издание), «Верного Руслана» (почему-то в сборнике рассказов про собак) и тоненькую, невзрачную книжечку с «Большой рудой» (с которой он вошел в большую литературу).

Вскоре они с Наташей уехали обратно в Германию. Потом снова были письма. Но уже другие. А в 1997 году умерла его Наташенька. Это было огромное горе для него — в эмиграции они были всем друг для друга, там к тому времени у них почти не осталось друзей. Он вызвал меня к себе, и мы вместе совершили сказочное путешествие по Европе. Я открывала отца для себя — ведь мы не знали ничего друг о друге почти тридцать лет. Он тоже заново меня узнавал.

Я прилетела к нему в Германию в конце октября. С визой помог друг, который попросил знакомого немца прислать мне приглашение. Бедный отец даже не имел право меня приглашать — он сам имел статус беженца (на руках был нансеновский синий паспорт). Немецкое гражданство Владимов мог бы получить сразу, если бы знал немецкий язык, а так, согласно немецким законам, получил гражданство только через пятнадцать лет.

Отец встретил меня в аэропорту Франкфурта-на-Майне. Увидев его, я ужаснулась: когда он приезжал с Наташей на вручение Букера, то имел ухоженный, ложенный вид — в светлом, из тонкого драпа осеннем пальто, приличном темном костюме в мелкую полоску, в темных очках, закрывавших пол-лица, — типичный иностранец.

А сейчас мне навстречу вышел сторбленный человек в темно-зеленой, явно жениной кофте, в тренировочных брюках с пузырями на коленях, с давно не стриженными седыми с желтизной волосами. Общее впечатление огромного несчастья дополняла коричневая сумка из кусочков кожи, также явно дамская...

Жил отец в Нидернхаузене — маленьком городишке с населением не более десяти тысяч, поселок городского типа по нашим меркам, но это был все-таки настоящий город с банком, множеством магазинчиков, ресторанами, бензоколонками.

До Франкфурта оттуда всего сорок минут на машине. И четырнадцать километров до Висбадена — того самого, где в самом крупном в Европе казино прожигал жизнь, а заодно и гонорары Федор Михайлович Достоевский.

С казино в Висбадене у отца была связана забавная история. Он в Германии буквально заболел компьютерами (хотя ему в то время уже было лет шестьдесят) и мечтал о ноутбуке. Тогда они были еще очень дорогими. И вот отец с женой отправились в казино, Наташа поставила на тридцать два номера все деньги, что у нее были. Каждый номер выиграл по сто марок, и она заработала три тысячи двести марок, на которые и купила отцу желанную игрушку. Рассказывая мне эту историю, отец добавил назидательно: «Вот что значит первый раз! Новичкам всегда везет, хорошо, что у нас хватило ума вовремя остановиться и уйти».

Мы проехали весь Нидернхаузен и поднялись на горушку, вдоль которой стояли семь или восемь девятиэтажных домов. Отцовский дом был на вершине горы, позади дома виднелись мягкие холмы, поросшие густым лесом, напротив дома лес окружала ограда, за которой я заметила каких-то животных. Увидев нас, к решетке сразу же подошла молодая олениха, доверчиво ткнулась в ладонь бархатными губами. За ней потянулись несколько оленей с красивыми ветвистыми рогами.

— Какая прелесть, ручные олени, надо же, прямо возле твоего дома живут! — наивно воскликнула я.

— Ты особо не обольщайся, — мрачно заметил отец, — это же ходячий обед, их специально разводят и держат тут за решеткой для ресторана. Любимое блюдо у немцев здесь — оленина с брусничным вареньем.

— Вот гады!

— А сами дома знаешь кому принадлежат?

— ?

— Одному доктору медицины. Он сначала один дом построил и стал сдавать, а потом на доходы от арендной платы построил еще восемь.

— Ничего себе!

— В нашем доме в основном живет всякая голытьба вроде меня, несколько армян, евреев, поляков, но всех нас называют русскими. Есть немного немцев. Так у нас в доме живет человек по фамилии Кальтенбруннер, представляешь?

— А Бормана нет?

— Нет. А вот с Мюллером я пару раз встречался в бассейне.

— ?

— У нас в доме на первом этаже есть бассейн. Я плачу две марки в месяц и могу им пользоваться в любое время суток.

Пока ты здесь — ходи хоть каждый день.

Четырехкомнатную квартиру в этом доме отец снимал в свое время для большой семьи — он вывез в Германию жену с тещей, которая его боготворила и очень им гордилась. Правда, отец говорил, что порой жалеет о том, что вывез тещу за границу: она прожила после переезда всего три года, а в России, по мнению отца, могла бы еще жить и жить... «Нельзя пожилых людей лишать корней», — говорил он позднее.

В квартире отца я обратила внимание на удивительный порядок в рабочем кабинете, так не сочетающийся с его поношенной одеждой: на стене в отдельных гнездах висели различные инструменты — и для ремонта автомобиля, и для многих других целей, о назначении большинства я только догадывалась. Я, раскрыв рот, рассматривала это богатство — ведь я ничего не знала об отце.

Еще в кабинете были огромный письменный стол, стационарный компьютер, стеллаж во всю стенку (сделанный отцом), заполненный книгами. Многие из них были подписаны очень известными писателями и общественными деятелями (Бёллем, Довлатовым, Максимовым, Войновичем, Аксёновым, Копелевым, Сахаровым, Боннэр).

Я удивилась такому количеству инструментов в его кабинете вслух: мол, зачем писателю делать то, что могут сделать наемные рабочие. Отец лукаво улыбнулся и сказал: «Ты не думай, я не какой-нибудь “вшивый интеллигент”, который не знает, каким концом вогнать гвоздь в стенку. Я очень люблю возиться с инструментами, чинить, ремонтировать, делать многое своими руками. Ты знаешь, когда-то я изобрел важную деталь к двигателю внутреннего сгорания, у меня даже есть патент на изобретение!»

Тут я обратила внимание на его руки — широкие, большие, мозолистые, с грязью под ногтями — руки настоящего мужика, твердо стоящего на земле, который может и собрать мебель, и починить машину, и покрасить стены, и отремонтировать любую сантехнику. При этом не будет зависеть от милостей природы и капризов слесаря, в чем я убедилась позднее, когда он поселился в Переделкине. Всю сантехнику на даче отец чинил сам, столкнувшись с неумением переделкинского «специалиста». И очень этим гордился — ничуть не меньше, чем литературной премией!

Многое понять в характере отца мне помог его любимый литературный герой, которым он восхищался в юности —

Мартин Иден — простой рабочий парень, матрос, который сам себя сделал.

Из кабинета отца мы вышли на балкон, и я восхитилась открывшимся видом на лесистые горы и виднеющиеся вдалеке домики с черепичными крышами. Отец сказал, что часто на город опускается туман, такой сильный, что не видно даже погруженной в него руки...

Каждый Новый год отец выходил на балкон и, пока подвыпившие бюргеры производили залпы салюта в честь праздника, делал один выстрел в воздух из браунинга, который ему подарил сын (или внук? уже не помню) Гудериана. «Он прочитал моего “Генерала” и пришел ко мне — поблагодарить меня за то, что написал правду о Гудериане, без осуждения и приукрашивания».

«А вон там видно муниципальное кладбище, на котором похоронены моя Наташенька и теща, — мы потом сходим с тобой туда».

Позднее мы сходили с отцом на кладбище, и меня поразила разница с нашими мало ухоженными погостами. «Но, к сожалению, у немцев чувство порядка сочетается с каким-то бездушным практицизмом. Например, когда Наташенька умерла и мне позвонили из больницы, я приехал и попросил дать возможность с ней проститься. Они очень удивились: зачем мне это надо? Ну, потом согласились, выкатили мне каталку с ее телом и показали через стекло — мол, и достаточно... А с кладбищем тоже все практично до жути — ровно через тридцать лет могилы уничтожаются и занимаются новыми усопшими. Исключение делается только для выдающихся деятелей, имеющих особое значение для города или страны, поэтому я очень переживаю за мою Ташечку — мне ее не удастся вывезти в Россию, это очень дорого и сложно, а ведь она, как и я, мечтала лежать на Родине», — грустно заметил отец.

Отец много рассказывал мне о Наташе, а я вспоминала нашу первую встречу с ней в Москве. Я позвонила в дверь квартиры Юза Алешковского, и мне навстречу вышла маленькая, изящная, но какая-то суетливая и очень быстро, непрерывно говорящая женщина.

Как я потом узнала, в Москве она простудилась, и у нее в тот момент была высокая температура. «Это не я, не я, не из-за меня ваш папа ушел от вашей мамы, мы встретились гораздо позже!» — почти с порога закричала она, — так ее мучила эта мысль. Мне показалось, что отец относился к ней

как к любимому, но порой раздражающему непрерывной болтовней и желанием привлечь внимание ребенку.

Через десять минут нашей с ней беседы за столом я увидела, что отец отключился от нашего щебетания и стал смотреть в сторону и даже говорить вслух, может быть, проговаривая какую-то очередную мысль, которую ему хотелось записать...

Ко мне Наташа отнеслась очень внимательно, ей не хотелось, чтобы мы с отцом потеряли друг друга, едва обрета. Первое письмо ко мне отца пропало, и он не получил от меня ответа. Они оба взволновались до чрезвычайности, но Наташа особенно, поэтому она и стала просить всех знакомых в Москве меня разыскать и рассказать про пропажу письма, чтобы я не думала, что отец не хочет со мной общаться.

А на вручении Букера Наташа с гордостью представляла меня как дочку Жоры (так она всегда называла отца) общим знакомым. Я запомнила Елену Боннэр, скромно одетую пожилую женщину с тяжелым седым пучком волос, подходившую к нашему столику, чтобы поздравить отца с вручением премии (а он, бедный, все сомневался, что получит ее).

Запомнила переводчицу Елену Ржевскую, про которую отец рассказал, что это она нашла и привезла в СССР челюсть Гитлера — сей раритет наши солдаты обнаружили в бункере диктатора в 1945 году.

Очень четко в память врезалась картина, как на нас с отцом и Наташей летела в страстном, но чрезвычайно нечетком порыве поздороваться после долгой разлуки, с глазами абсолютно инопланетными, Белла Ахмадулина, а ее муж Борис Мессерер в последнюю минуту подхватил ее за талию, чтобы не унесло ветром.

Были там и Андрей Вознесенский в белом шарфе, обмотанном вокруг шеи, и его жена, элегантная Зоя Богуславская, но они довольно холодно поздравили отца, произнося свои поздравления с кислыми лицами, почти без эмоций. И Наташа воспринимала все обостренно, так, будто обидели лично ее, а не мужа.

Уже в Нидернхаузене отец рассказал мне трагическую историю, случившуюся, когда Наташе было шестнадцать лет. Он упомянул об этом, когда мы заговорили о клонировании людей: «Никакое клонирование не вернет мне мою Наташеньку, такую, какой она была, после пережитого испытания... Она однажды вернулась из школы и увидела своего отца в петле, и никто не узнал, почему он это

сделал... — И добавил: — Клонирование могло бы мне вернуть красивую куклу, но души моей Наташи, ее души, перенесшей большие испытания, мужественной, ранимой, преданной — никто бы не смог повторить...»

Она несколько раз была замужем, вторым ее мужем был великий «грустный клоун» Леонид Енгибаров. К нему отец относился с большим пиететом и даже гордился, что Наташа была за ним замужем. Он говорил, что судьба «грустного клоуна» типична для нашей страны — его недооценивали при жизни, мало выпускали за рубеж работать, всем заправлял тогда «солнечный клоун» Олег Попов, который интриговал против Лени (так, по крайней мере, говорил отец со слов Наташи). Постепенно Леонид спился. И умер молодым, очень рано, в 1972 году, в самый разгар страшных московских торфяных пожаров. Судьба, похожая на судьбу Высоцкого, которого отец тоже знал в молодости.

Наталья Кузнецова была известным критиком, писала статьи, которые после ее смерти отец собрал в книгу и на свои деньги издал. Лев Аннинский называл Наташу «серебряным перышком эмиграции».

Она была необыкновенно предана отцу, оберегала от любых неприятностей и от людей, которые могли бы ему повредить. Настоящая боевая подруга, говорил про нее отец. В Германии, если кто-то хотел встретиться с отцом, должен был пройти ее контроль, и она решала, допустить ли до «тела» нежданного гостя. Она не дала отцу встретиться с Ильей Глазуновым, который хотел написать его портрет, — а жаль... Отец был Наташе вместо ребенка, она не стала заводить детей, чтобы больше времени уделять своему Жорику. Ему нравилось это имя, и я по его просьбе так же стала его называть...

Из аэропорта мы приехали в Нидернхаузен, закинули вещи в квартиру и поехали покупать продукты в ближайший супермаркет в Висбаден — в Нидернхаузене отец почему-то не покупал продукты. Мы ходили по магазину, кидая продукты в коляску, затем в честь моего приезда отец добавил к ним джин, тоник и грейпфрутовый сок.

«Я научу тебя делать “коктейль Владимова” — один стаканчик джина, один — тоника и два — грейпфрутового сока», — объяснил он мне. А потом жадно прислушался — по магазину шла русская пара и что-то оживленно обсуждала.

«Знала бы, ты, как мне не хватает русской речи, я к немецкому я так и не привык — все-таки я оказался за

рубежом в пятьдесят один год, это очень много для привыкания к чужому языку. Ну, есть, конечно, небольшая диаспора во Франкфурте, с представителями которой мы с Наташей, общались, но этого слишком мало. Так что в основном мы варились в собственном соку. Наташа хотя бы общалась с людьми, когда записывала свои выступления на радио “Свобода”, я же после ухода из “Граней” стал мало видеть людей. Поэтому нам так нравилось, когда приезжал кто-нибудь из России, например, когда приезжал Лёва Анненский с Шурой. Ты знаешь, я постоянно покупаю во Франкфурте диски с вашими нынешними фильмами. Из недавних мне очень понравились “Окно в Париж” и “Особенности национальной охоты”, я их смотрел раз двадцать, не меньше и наслаждался языком. Надоели немцы с их скучными новостями и бесконечными шоу для домохозяев, для бюргеров с пивом в руках».

От этих слов на меня пахнуло таким застарелым одиночеством! Стало его безумно жалко. Позднее отец сказал, что по приезду в Германию лет пять не мог писать — так давили тоска и сожаление, что уехал, что не дождался краха империи, оставалось каких-то восемь лет. Поэтому и «Генерала» он писал так долго, почти пятнадцать лет, хотя начинал собирать материалы еще в России. Кроме невероятной писательской тщательности здесь была еще и жуткая ностальгия...

Отец очень переживал, что не был во время августовского путча 1991 года в Москве, что в самый интересный период, период коренного перелома, слома строя, не был в своей стране, со своим народом. Он называл ликвидацию путча 1991 года «августовской революцией». В этом было много наивной романтики — отец почти пятнадцать лет прожил в Германии практически безвылазно, не считая коротких поездок по Европе. Один раз с Наташей они ездили в Париж, где он с удовольствием общался со своим другом, замечательным писателем-фронтовиком Виктором Некрасовым, автором романа «В окопах Сталинграда». Тот много лет жил в Париже, прекрасно знал французский. Они вдвоем с отцом много гуляли по Парижу, причем Некрасов в совершенстве знал все питейные заведения французской столицы, и во время своих долгих прогулок они обошли их все. Там же отец встречался с Максимовым, Синявским и Галичем.

Второе путешествие отец с Наташей предприняли в Рим. Я запомнила, как отец рассказывал об очаровательном плутовстве итальянских официантов, которые радостно обсчитывали наивных туристов на свои миллионные лиры, но делали это изящно, красиво и часто услаждали слух какими-нибудь знаменитыми ариями в духе Энрико Карузо или Марио дель Монако.

В 1990 году отец приезжал ненадолго в Санкт-Петербург на съезд соотечественников, был всего три дня, и ему все казалось необыкновенным, таким отличным от той советской действительности, которую он запомнил. Впрочем, полемические статьи, которые отец писал для «Московских новостей» на разные темы, были злободневные, глубокие, содержательные и намного опередившие свое время. Меня очень удивляла эта двойственность в отце: сочетание житейской наивности и непрактичности с глубоким анализом происходящих событий и мгновенного схватывания самой сути процесса. А ведь все, что он знал о России начала 90-х годов или, как сейчас говорят, «лихих девяностых», черпал из ТВ, газет и рассказов приезжающих погостить друзей...

Во время нашей поездки по Европе мы говорили о его литературных планах. Замыслы были очень интересные: например, ему очень хотелось написать продолжение истории Христа, Его земной жизни. Отец всерьез верил апокрифам, согласно которым Иисуса спасли от распятия, и Он жил долго и счастливо в любви и согласии с Марией Магдалиной, а она родила ему кучу детишек.

Отец хотел закончить роман «Долог путь до Типперэри». К сожалению, этим планам не суждено было сбыться — напечатана только первая часть.

Мечталось ему написать детектив, но никак не придумывался главный герой. Мы перебирали известных персонажей, и наконец мне пришла в голову идея, которая понравилась отцу. Я предложила ему в качестве главного героя немолодого писателя, партнером которого (своего рода Ватсоном в юбке) должна была стать его дочка. Они переписываются и в письмах раскрывают давние преступления. В связи с этим отец рассказал мне о смерти Галича и добавил, что не верит в несчастный случай, считает, что его «убрали» спецслужбы, которые не могли допустить возвращения Галича в Россию (о чем тот мечтал). Отец говорил, что очень хочет, чтобы правда вышла наружу, хочет написать об этом. Увы, остался только замысел.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru